

У. Уилер

БРАСПЕТ ПЕВИЦЫ

У. Уилер

Браслет певицы

«Adventure Press»

2014

Уилер У.

Браслет певицы / У. Уилер — «Adventure Press», 2014

Лондон снова охвачен сплетнями: второе убийство! И, – вообразите только! – опять в дело замешаны эти спириты, медиумы и прочая подобная публика. Половина общества считает, что полиция просто-напросто ищет оправдания своей беспомощности, вторая – убеждена, что сверхъестественное на самом деле существует. Кто же из них прав? И какую роль во всем этом играет там самая Мелисанда фон Мюкк – певица, известная своей скандальной репутацией? Предсказательнице мисс Иве, ученому-археологу Гаю Флитгейлу и инспектору Суону предстоит еще одно дело.

© Уилер У., 2014

© Adventure Press, 2014

Содержание

Увертюра	5
Глава 1. Происшествие у Бёрлингтонов	7
Глава 2. Браслет и опера	13
Глава 3. Графиня и вдова Фицгилберт	19
Глава 4. Тайна браслета	25
Глава 5. Сгоревший архив	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

У. Уилер

Браслет певицы

Увертюра

Лондон, осень 1904 г.

– Алоиз, голубчик, могу ли я видеть мисс Иву? – осведомился импозантный господин, войдя в переднюю дома на Глостер-плейс.

– Ах, ваше сиятельство, какая неожиданность вас видеть здесь... мисс Ива как раз отправилась в фехтовальный клуб! – фатоватого вида секретарь с сожалением склонил голову с безупречным пробором.

– Ничего, ничего, голубчик... Я, пожалуй, дождусь её, – граф Бёрлингтон вошёл, оставил цилиндр слегка оторопевшему секретарю и огляделся:

– Где я могу подождать?

Обычно посетители попроще ожидали приглашения подняться к мисс Иве в приёмной, небольшой комнатке, которая играла роль секретарского кабинета. Визитёры ранга графа Бёрлингтона препровождались в светлую, просторно обставленную утреннюю столовую, что находилась на первом же этаже, напротив приёмной. Граф по приглашению секретаря прошествовал в столовую и уселся в кресло у стены. Вид у него был решительный и немного встревоженный.

Когда примерно через час мисс Ива вошла в дом, Алоиз приветствовал её ужасным шёпотом.

– Что стряслось, Алоиз? Что это у тебя с глазами? Граф Бёрлингтон? Почти час? – Ива грациозно пожала плечами, вручила секретарю рапиру в чехле из старой испанской кожи, тиснёной карминно-красными цветами, и вошла к графу.

Вечера и спиритические сеансы у Бёрлингтона уже давно были известны в свете и собирали самую изысканную публику. Получив несколько дней назад приглашение на один из октябрьских четвергов, мисс Ива отложила билет в стопку «вежливо отказать» и собиралась употребить это время с большей приятностью, но явление графа к ней на квартиру явно имело целью изменить её планы.

– Мисс Ива, прошу простить моё вторжение, но я хотел бы лично засвидетельствовать... – Бёрлингтон поднялся с места, галантно поприветствовал хозяйку, – я, собственно, не задержу вас. Хотел бы только лично просить вас не отказаться от присутствия в четверг.

– Это так важно? – поинтересовалась Ива.

– Мисс Ива, конечно, я всегда рад видеть вас в моём доме, но на этот раз мне нужно будет ещё и услышать ваше мнение как мнение... эксперта. Видите ли, я пригласил провести сеанс одного медиума, позвольте мне не раскрывать его личности до поры, если только вы и сами уже не догадались, кого я имею в виду. Но мнения о нём столь противоречивы...

– Разумеется, граф. Представления не имею, кого вы имеете в виду, теперь так много духовидцев и прорицателей, а меня так долго не было в стране – боюсь, я не в курсе последних веяний моды. Однако если это действительно медиум, он без труда обнаружит моё присутствие, и тогда может выйти ситуация весьма щекотливая...

– Вот и прекрасно! Это будет лучшим испытанием для моего гостя! Я вам необычайно признателен!

Когда граф Бёрлингтон, заметно повеселевший, покинул дом, мисс Ива неторопливо поднялась в своё ателье, задумчиво оглядела ширмы с забавными китайчатами, павлинами и

фениксами, а затем, остановившись напротив зеркала, внимательно посмотрела на своё безупречное отражение и тихо произнесла:

«Ах, как нехорошо... Это очень скверно...»

Глава 1. Происшествие у Бёрлингтонов

В салоне гостей встречали граф Бёрлингтон и его супруга, женщина удивительной красоты. Она была в фисташковом платье, прекрасно оттенявшем золотистый блеск её каштановых волос и ровный, оттенка слоновой кости, цвет лица. Черты её были совершенны, словно сняты с античной статуи, и она несла свою красоту с чудным, естественным достоинством. Графиня вышла навстречу Иве и поприветствовала её очень мило и радушно.

Кроме самих Бёрлингтонов в салоне оказался полковник Брюстер, недавно вернувшийся из Южной Африки, хорошо известный в свете своим беспримерным мужеством и любовью к приключениям, член Королевского Охотничьего клуба и Общества для исследования психических явлений. Он скоро составил компанию мисс Иве, присевшей на диванчике у выхода в зимний сад, и попытался свести с ней близкое знакомство в единственно известной ему манере.

– Прекрасный цвет лица, мисс Ива! Осмелюсь предположить – колониальный загар? Давно из Индии? Не правда ли, прекрасная страна? Жемчужина Короны!

Ива неопределённо кивнула. Цвет её лица, смуглый, оливкового, левантийского тона после нескольких месяцев, проведённых в Турции, резко контрастировал с безупречным цветом кожи графини Бёрлингтон, и придавал Иве немного цыганский облик.

Через минуту в салон вошли барон и баронесса Фицгилберт, которых Ива знала по прежним приёмам у Бёрлингтонов. Барон Фицгилберт, занимавший какой-то важный гражданский пост в Адмиралтействе, был худощавым господином лет пятидесяти, с обильной проседью в волосах, с сухими, но безупречными манерами. Баронесса же представляла довольно печальное зрелище. Она была чуть не на голову выше супруга, нескладная, с грубыми чертами лица, словно вылепленными из сырой глины. Она следовала за бароном с привычно виноватым видом.

– Где же ваш медиум? – сухо поинтересовался барон Фицгилберт.

– О, он настраивается, – с добродушной улыбкой ответил Бёрлингтон и обратился ко всем присутствующим. – Господа, у нас в гостях сегодня сильнейший медиум и примечательная личность – русский князь Урусов, ученик и последователь мадам Блаватской! Я слышал самые поразительные рекомендации.

– Боже мой, русский князь! Как это интересно! – воскликнула баронесса Фицгилберт, и тут же осеклась под суровым взглядом мужа.

– Ну что же, это, действительно, должно быть очень интересно. Быть может, мы пригласим его наконец-то выйти к нам? Или мы ждём ещё кого-то? – спросил полковник Брюстер, оглядывая собравшихся и потирая руки в нетерпении.

– О, да, умоляю вас проявить немного терпения, мы ждём мадам Мелисанду фон Мюкк, – извиняющимся тоном произнёс хозяин.

– Немка? – довольно резко спросил полковник Брюстер.

– О, нет, – быстро ответил граф, – англичанка. Вышла замуж за немецкого барона и безумно страдает. Божественное бельканто! И какая женщина!

Тотчас, словно услышав вызов на сцену, в гостиной появилась новая гостья: высокая, стройная дама лет тридцати пяти или чуть старше. Дама несла огромную шляпу с фонтаном перьев и кипенью вуалей, а на плечах – роскошное меховое манто. Манто явно было не по приятной октябрьской погоде и несколько неуместно в салоне, но явление было столь впечатляющим, что никому и в голову не пришло удивиться такому несоответствию, а граф Бёрлингтон захлопал в ладоши.

Дама милостиво кивнула и заговорила грудным голосом:

– Ах, граф, графиня, как я рада вашему приглашению. Вчера я пела Аиду, эта роль так выматывает меня, и я была не в голосе, но публика, вы знаете, она так мила ко мне, это так трогательно... и я не могла не откликнуться на ваше приглашение, это всё так занимательно...

Мелисанда фон Мюкк не была красавицей, но в ней было несомненное умение подавать себя в самом выгодном свете. Роскошный меховой ворот прикрывал тяжеловатый подбородок, небольшие глаза были умело оттенены драматически-чёрной тушью, а держала себя она так, что сомнений не оставалось – она примадонна не только на сцене, но и в жизни.

Ива отметила, что графиня Бёрлингтон с трудом выдавала приличествующую случаю улыбку.

Мелисанда находилась в процессе развода со своим немецким супругом, об этом писали все светские хроники и судачили во всех гостиных Лондона. Было совершенно ясно, что это способствовало увеличению сборов с её концертов и опер, в которых она пела, но – помимо всего этого – она действительно была обладательницей волшебного, волнующего голоса и прекрасной актрисой. Обстоятельства развода были не вполне ясны, но общество моментально приняло сторону примадонны, учитывая, что её супруг был иностранцем, а Мелисанда виртуозно играла роль несправедливо обвинённой добродетельной жены.

Певица царственно проплыла по салону, сопровождаемая хозяином дома, благосклонно и немного рассеяно поприветствовала гостей, и, картинно сбросив серебристое манто на руки Бёрлингтону, расположилась в кресле. Всё общество, не отрываясь, смотрело на неё, даже барон Фицгилберт не без интереса рассматривал роскошную гостью салона, но Мелисанде это было не в новинку. Осмотревшись и улыбнувшись всем, она нетерпеливым жестом поправила на руке массивный браслет и сообщила:

– Ну вот, я готова! А где же наш спирт?

Мужчины отнеслись к подобной эгоцентричности дивы со снисходительностью, баронесса Фицгилберт поджала губы, а графиня, казалось, с трудом сдерживала раздражение.

За медиумом послали, и через несколько минут в салон вошёл артистически нервный молодой человек со скуластым лицом и бровями в единую чёрную линию.

– Прошу, господа – князь Урусов, – с аффектацией представил вошедшего Бёрлингтон. Русский князь обвёл собравшихся несколько отсутствующим взглядом чёрных с поволокой глаз и церемонно поклонился.

– Князь, большая честь для нас...

– Надеюсь, вы расскажете нам о мадам Блаватской? – поинтересовался полковник Брюстер.

– А что теперь в России?.. – начала было Мелисанда.

– После, после, – отмахнулся медиум и прошёл к столику, подготовленному для сеанса. Мелисанда буквально пожирала русского князя глазами, плечи её приподнялись, ноздри взволнованно затрепетали.

– Вы не находите это отвратительным? – тихо спросила графиня Бёрлингтон, проходя мимо Ивы к столу и часто обмахиваясь веером.

Вместо ответа Ива поднялась с дивана, стремительно подошла к графу и едва слышно сказала:

– Граф, ещё не поздно отменить сеанс.

Тот изумлённо посмотрел на неё и покачал головой:

– Это было бы даже некрасиво... Да и отчего бы вдруг? Пойдёмте к столу.

Примадонна уже заняла место по левую руку от медиума, далее расположились хозяин дома, баронесса Фицгилберт, Ива, полковник Брюстер и графиня. Замыкал круг, по правую руку от медиума, барон Фицгилберт. За столом оказалось довольно тесно, но все в нетерпении задвигали стульями, устраиваясь и тихо переговариваясь. Последними за стол сели графиня и Ива. Обе они помедлили, прежде чем присоединиться к спиритическому обществу: Ива явно

не одобряла происходящего, графиня – также, но явно по другим причинам. Князь Урусов обвёл собравшихся потусторонним взглядом и предложил приступить. Перед медиумом не было никаких инструментов, дух, по его замечанию, должен был отвечать стуком и движением стола. В салоне погасили электричество, вошёл лакей и поставил на столик у дверей в зимний сад свечу в высоком подсвечнике. Гости взялись за руки под столом – щёки Мелисанды покрылись нежнейшим румянцем.

Сеанс же оказался на удивление скучным. По настоянию собравшихся, медиум вызвал дух мадам Блаватской: дух мямлил неразборчиво, менял показания, столик качался и взбалмошно стучал ножками. Вопросы задавались вразнобой, и всё более походило на воскресный пикник, чем на спиритический сеанс. Наконец, дух великой спиритуалистки уgomонился.

Графиня почувствовала себя дурно – с позволения медиума она покинула круг. Загрели стулья; Мелисанда, сославшись на сквозняк, пересела на освободившееся место, баронесса Фицгилберт сходила за платком и в потёмках долго не могла сообразить, где оставила свой ридикюль. Урусов наблюдал за всеми этими перемещениями с нескрываемой неприязнью. Нервное его лицо исказилось почти презрительным выражением, одна сторона лица дёрнулась коротким, судорожным тиком, хотя Иве, сидевшей напротив, могло это лишь показаться в колеблющемся свете свечи.

Наконец, все вновь заняли места вокруг стола.

– Теперь, умоляю вас, князь, – Таис, гетеру Афинскую! – драматическим шёпотом попросила Мелисанда, глядя на Урусова откровенно обожающим взором, и сеанс продолжился с прежней небрежностью.

Таис вела себя не намного лучше мадам Блаватской: бессмысленно трясла стол, потом долго молчала, затем меланхолически постукивала по столешнице. Когда дух покинул общество, Бёрлингтон крикнул, чтобы зажгли свет, и обвёл присутствующих слегка виноватым взглядом.

– Совершенно невозможная атмосфера, – мрачно резюмировал медиум, морщась не то от яркого света, не то от отвращения.

– Однако... посмотрите, барон Фицгилберт даже задремал, – смущённо пробормотал Бёрлингтон, поднимаясь со своего места.

И тут раздался душераздирающий, отчаянный крик баронессы – Фицгилберт, ссутулившийся за столом, безжизненно, с глухим стуком, упал вперёд: на спине его оплывало тёмное, блестящее пятно.

– Боже мой! Боже мой! – закричала баронесса, бросаясь к мужу и пытаясь приподнять тело.

– Не трогайте ничего! Всем отойти от стола! – гаркнул полковник Брюстер командным голосом.

– Что случилось? Боже мой, барон! Что с ним? Он жив? – недоумённо обратилась к нему графиня, выходя из зимнего сада.

– Увы, мадам, – только и ответил полковник, осторожно притрагиваясь к шее барона там, где должна была биться артерия.

– Наверное, следует вызвать полицию? – спросил граф, опасливо пятясь от стола.

– Да, вызывайте полицию, – распорядился полковник, принявший командование на себя, – Чертовщина какая-то! Вы видите оружие? Все должны остаться здесь, в этой комнате!

Ива знаком привлекла внимание графа Бёрлингтона и тихо сказала ему:

– Пусть позвонят в Департамент уголовной полиции и срочно вызовут сюда старшего инспектора Суона. Пусть скажут – я просила.

– Инспектора Суона? – переспросил полковник Брюстер.

– Да-да, пусть приезжает.

Ива, Брюстер и, пожалуй, как ни странно – графиня Бёрлингтон, сохраняли более-менее убедительное спокойствие в этой ситуации. Графиня распорядилась принести напитки и вывела баронессу Фицгилберт в зимний сад – оттуда доносились стоны и рыдания. Бёрлингтон метался и причитал. Князь Урусов, трясая нервной дрожью, безмолвно и стремительно выпивал один бокал за другим, но, казалось, совершенно не пьянел, а лишь становился мрачнее и мрачнее. Мелисанда фон Мюкк попыталась закатить истерику, но, убедившись в том, что зрителей не будет, тихо страдала на диване, время от времени посылая лакеев за нюхательной солью или уксусом.

– Какой ужас... в моём доме... что случилось? Я ничего не понимаю! – причитал Бёрлингтон, подходя то к одному гостю, то к другому.

– Кто-нибудь, принесите воды! – раздался голос графини из зимнего сада. Ива рукой показала графу, чтобы тот не беспокоился, взяла с подноса бокал сельтерской и вышла в сад.

– Почему вы покинули стол? – спросила она графиню, передавая ей бокал.

– Мне стало дурно, – ответила та, поднимая на Иву прекрасные глаза, – мне вдруг стало так дурно, словно кто-то душил меня... я испугалась. Я почувствовала такой леденящий страх! Мне показалось, что это был, в самом деле... дух. Может, это было предчувствие?

– Весьма возможно, – задумчиво ответила Ива. – А несчастная баронесса, как она?

– О-о, вы видите, она в шоке. Всё время повторяет, что Эдвард был прекрасным человеком. Бедняжка.

Некрасивое, грубое лицо баронессы распухло от слёз, но не выражало ничего так, словно застыло маской глубокого недоумения. Подняв глаза на Иву, она убеждённо произнесла:

– Эдвард – прекрасный человек. У него не было врагов. Вы можете не поверить мне, но мы были совершенно счастливы. Он прекрасный человек!

Через полчаса старший инспектор Суон в сопровождении доктора и двух бравых сержантов вошёл в салон.

Он коротко представился и попросил всех собраться в зимнем саду, пока доктор и сержант производили осмотр тела и места происшествия. Все гости направились в двери сада – там, в плетёном кресле сидела баронесса, графиня Бёрлингтон была рядом с ней, неся дежурство с нюхательными солями и платком. Баронесса сидела в оцепенении от своего горя, уставившись прямо перед собой и лишь изредка поднося платок к глазам.

Поравнявшись с мисс Ивой, Суон не сказал ни слова, но посмотрел на неё так, словно сообщал: «Поговорим после». Ива кивнула.

– Господа, я приношу свои соболезнования в связи с ужасной трагедией в доме. Я, старший инспектор Скотланд-Ярда Суон, буду вести расследование этого инцидента в связи с его особенной важностью. Поэтому прошу вас сейчас успокоиться и изложить мне канву событий – позже я поговорю с каждым из вас для уточнения деталей. Я прошу никого не покидать этих помещений. Надеюсь, вы с пониманием отнесётесь к некоторым неудобствам.

Граф Бёрлингтон, как хозяин дома, был вынужден взять на себя роль повествователя и изложить события сеанса. Гости изредка добавляли незначительные детали. Никто из посторонних – ни слуги, ни кто-либо ещё – не входил в салон во время сеанса, это выяснилось сразу; и было совершенно очевидно, что ни у кого, кроме присутствующих, не было возможности убить Фицгилберта. Атмосфера становилась гнетущей, в зимнем саду сгустился страх.

– Когда в последний раз у вас была возможность убедиться в том, что барон Фицгилберт жив? – задал Суон вопрос и оглядел присутствующих.

– Пожалуй, это было тогда, когда мы пересаживались, – осторожно предположил граф Бёрлингтон.

– Но ведь вы все могли видеть его во время сеанса – стол круглый, и все были друг у друга на виду! – заметил Суон.

– Помилуйте, было темно! И потом, мы все смотрели на господина Урусова! – изумилась графиня, обнимая за плечи бесчувственную Фицгилберт.

– И как это всё происходило? Я имею в виду ваше духовидство. Вы держались за руки?

– Нет, во второй части сеанса господин Урусов просил нас держать руки на столе. Не так ли, господин Урусов? – уточнил полковник Брюстер.

– Это так? – обратился Суон к русскому князю.

– Совершенно верно, – ответил Урусов. Его нервный тик стал совершенно очевиден. Левая сторона красивого, аристократически утончённого лица конвульсивно подёргивалась, мешая даже говорить, – мне пришлось отказаться от круговой связи, поскольку это только мешало концентрации сил. Несносная атмосфера. Все отвлекались. Сеанс можно считать совершенно провальным.

Это была самая длинная фраза, которую князь произнёс за вечер; все отметили, что говорил он исключительно правильно, со старательным оксфордским выговором, но лёгкий акцент всё же был явно различим в его речи.

Ива, да и сам Суон заметили, что во всё время этого опроса мадам фон Мюкк сильно нервничала и всё время порывалась что-то сказать, но осаживала сама себя и озадаченно кусала уголок кружевного платка, кидая ищущие взоры то на Бёрлингтона, то на Суона.

– Ну что же, я попрошу всех вернуться в салон и не выходить из него. Полагаю, что доктор уже закончил, тело унесли, и вы можете там расположиться. Я попрошу доктора оказать помощь, если потребуется. Граф Бёрлингтон, оставайтесь сейчас, я хотел бы поговорить вначале с вами.

Пристроившись в салоне на кушетке, Ива внимательно наблюдала за гостями. Полковник присоединился к ней вновь.

– Ну, что скажете? Какой ужас! Признаться, такого я не видел даже в Южной Африке. Чтобы вот так вот, убить человека, на глазах, можно сказать, у всего общества! Так где же вы были, мисс? Бенарес? Раджастан? Как вам тамошний колорит?

Наконец, полковника пригласили в зимний сад. Последней в зимний сад направилась сама Ива. Она вошла, пряча улыбку, и направилась было к ротанговому креслу, в котором расположился старший инспектор, но тут её весьма бесцеремонно оттолкнула Мелисанда фон Мюкк, буквально ворвавшись в сад и решительно направившаяся прямо к Суону. На лице её была написана решимость, граничащая с героизмом.

– Ах, простите, ради бога! Я не сказала вам сразу, а теперь решила, что следует. Я не хотела выглядеть бессердечной, но... знаете ли, это крайне досадное недоразумение. Во всей этой суматохе пропал мой браслет, – Мелисанда изящно приподняла руку и продемонстрировала тонкое запястье с едва заметным розовым следом от широкого браслета. – Это крайне неприятно. Подарок мужа; не хочу сказать, что я дорожу им из сентиментальных чувств, но Фердинанд невыносимо ревнив. А в связи с этим разводом... Это было бы крайне, крайне неприятно.

– Как выглядит ваш браслет? – спросил Суон.

– О, вы знаете, такой широкий и довольно толстый серебряный браслет, азиатский, усыпанный бирюзой. Он тяжёлый, странно, что я не заметила, как он упал с руки, и закрывается на маленький замочек, так удивительно – когда я надевала его, замочек был совершенно цел!

– И когда вы видели его последний раз?

– Когда мы сидели за стол, он был ещё на мне, определённо. Но потом эта суматоха, этот ужас... Когда мне принесли нюхательную соль, я протянула руку и заметила, что его нет. Это так досадно! – Мелисанда употребила весь свой талант, чтобы окутать Суона волнами откровенно чувственного своего обаяния и смотрела на него тем взглядом, который обычно при-
нуждает мужчин забывать обо всём на свете и бросаться на спасение беспомощной женщины.

– Что же, я распоряжусь обыскать салон, – сухо ответил ей Суон. Мелисанда благодарно кивнула и покинула сад, как покидают сцену после удачно сыгранного выхода. Суон проводил её скептическим взглядом, а потом перевёл глаза на Иву, и лицо его озарилось несколько неуместной улыбкой.

– И что вы обо всём этом думаете, дорогая мисс Ива?

– Потрясающий спектакль! – констатировала мисс Ива, садясь на садовый диван напротив Суона.

– Как верно. Кстати, насчёт спектакля, вы уверены, что Урусов – русский князь? Конечно, это ничего не стоит проверить, но он как-то мало похож на русского... – засомневался Суон.

– О-о, инспектор, род Урусовых ведёт своё происхождение от татар, это сильная кровь. Ничего удивительного, что он не похож на славянина. И акцент, без сомнения, русский.

– Ну, это нетрудно проверить. Но это дело времени.

– Значит, это дело будете вести вы? – вполне удовлетворённо заметила Ива.

– Ну, официально вести расследование будет инспектор Гэйбл из министерства иностранных дел. Я же займусь им неофициально. Я объясню вам всё позже, дорогая Ива. А теперь расскажите мне, как вы здесь оказались?

– Граф Бёрлингтон пригласил меня, чтобы я составила мнение о спиритуалистических способностях князя Урусова.

– И что, каково ваше мнение о князе Урусове?

– Медиум он весьма слабый, я бы даже сказала – дилетант, но не без способностей, – осторожно ответила Ива, по привычке задумчиво касаясь подбородка тонкими пальцами. – Я нашла его примечательным человеком, артистичным, умным и решительным, несмотря на внешнюю нервозность.

– А остальные участники сеанса, что вы можете сказать о них? – поинтересовался Суон.

– Дорогой инспектор, мне нужно разобраться в своих ощущениях. Я буду рада, если вы заедете ко мне завтра, в любое время. Думаю, Алоиз тоже будет рад видеть вас, – сказала Ива, искоса поглядывая на двери в салон – в дверях маячил граф Бёрлингтон.

– Что же, тогда – до завтра. Я очень рад был вас увидеть, мисс Ива, несмотря на довольно печальные обстоятельства этой встречи, – Суон осторожно пожал узкую ладонь в тонкой шёлковой перчатке и с сожалением отпустил её.

Глава 2. Браслет и опера

Около двух часов пополудни Суон вошёл в дом на Глостер-плейс. Его любезно встретил безупречный Алоиз, принял его шляпу и пальто, и даже намеревался стряхнуть пылинку с рукава его пиджака, но отчего-то передумал, и только осторожно дунул на довольно пыльный котелок инспектора.

– Как ваше плечо, голубчик? Не беспокоит? – поинтересовался Суон как бы между прочим. Алоиз поморщился и стал беспричинно деятельно оглядываться – рана, полученная им полгода назад в этом самом коридоре, причиняла ему более нравственные страдания, чем физические.

– О, благодарю вас, старший инспектор, совершенно не беспокоит, – ответил он тоном не вполне уверенным. – Прошу, мисс Ива ждёт вас наверху.

Явление инспектора Суона не сулило, на его взгляд, ничего хорошего. И настроение госпожи тоже не на шутку настораживало секретаря: с утра мисс Ива внимательно читала свежие газеты, потом велела принести ей газеты за всю прошедшую неделю. Не удовлетворившись полученным, она послала его в журнальную лавку и распорядилась принести все журналы за те месяцы, которые она отсутствовала в Лондоне, то есть – с конца июня по сентябрь сего года. Разумеется, всё это было не к добру, и Алоиз, выполнив поручение, отправился в приёмную составлять гороскопы на ближайшую неделю.

Суон вошёл в ателье – здесь горько и остро пахло хризантемами. На столике стоял огромный букет тугих, желтовато-белых цветков, источавших аромат горечи и увядания.

– Это единственное, что примиряет меня с осенью, дорогой инспектор, – в качестве приветствия сообщила Ива, глядя на цветы и протягивая Суону руку. – Или теперь вас уже не следует называть старшим инспектором? – продолжила она лукаво.

– Прошу вас, мисс Ива, мне будет привычнее, если вы будете называть меня так. В первую очередь, я хотел бы поблагодарить вас за те чудные письма, что вы слали мне из Турции. Как я вам благодарен!

– Не стоит благодарности, инспектор, – милостиво ответила Ива и пригласила Суона присесть на козетку.

– А что мистер Флитгейл, он тоже уже вернулся? – спросил Суон.

– Возвращается со дня на день. Улаживал формальности в Стамбуле, теперь всё так сложно с правительственным фирманом¹ и разными бумагами. Но очень скоро вы услышите его рассказы о Сакчагёзю, уверяю вас. Итак, инспектор, что вы думаете об убийстве барона Фицгилберта?

– Очень странное убийство. Совершенно очевидно, что убийцей является кто-то из тех, кто сидел за столом. О, господа, вам это ничего не напоминает? Так или иначе, барон был убит во время сеанса. Доктор определил, что смерть наступила минут за сорок до его приезда, но в это время всё общество сидело за столом в тёмной комнате. Совершенно невозможно, чтобы кто-то мог вонзить ему в спину оружие, не вставая из-за стола.

– Кстати, инспектор, вы нашли оружие? – перебила его Ива.

– О, да. Это не составило труда. Собственно, оно оставалось в теле жертвы.

– Вот как? Но орудия не было видно, насколько я успела заметить?

– Да, это очень необычное оружие. Это стилет, а вернее даже – тонкое шило, и почти без рукояти, поэтому-то оно было незаметно.

– Мизерикорд... кинжал милосердия. Мгновенная смерть, не так ли?

---

¹ Фирман, ферман – указ или декрет монарха в некоторых исламских государствах. В обиходной речи – официальное разрешение, разрешительный документ.

– Да, если это может утешить баронессу Фицгилберт. И, кстати, именно поэтому убийство осталось незамеченным до конца сеанса: удар был нанесён со спины, но прямо в сердце, очень точно, хотя для подобного удара вовсе не нужна особая физическая сила. Барон сидел довольно глубоко в кресле, а потому тело плотно опиралось на спинку и создавалось впечатление, будто он просто ссутулился и откинулся в кресле.

– Пожалуй, достаточно лишь верно приставить остриё и лишь весом своего тела вонзить его в жертву... – Ива изобразила похожее движение и задумалась.

– Так вот, единственным моментом, когда убийство было возможно, был перерыв в сеансе, когда графиня Бёрлингтон покинула стол. Я хочу, чтобы вы, мисс Ива, постарались вспомнить как можно точнее – что происходило во время антракта. Кто оказывался рядом с Фицгилбертом, за его спиной, и как вёл себя сам барон.

– Хм... Я всё очень хорошо помню.

Суон достал из кармана потрёпанную записную книжку и карандаш, и стал что-то пометать, слушая Иву. Ива рассказывала так, словно вся картина событий, в малейших подробностях, стояла перед её глазами.

Когда князь Урусов угрюмо сообщил, что дух мадам Блаватской покинул салон, графиня Бёрлингтон поднялась из-за стола и сказала напряжённым, нервным тоном:

– Здесь душно. Ужасно душно. Продолжайте без меня, прошу вас, – она вышла, пройдя за спинами барона Фицгилберта, князя Урусова и Мелисанды, и направилась к дверям в зимний сад. Мелисанда обернулась к ней, провожая взглядом, и пожаловалась обиженным голосом:

– Здесь так душно, а мой голос... Вы не прикроете дверь в сад, дорогая? Князь, вы не будете возражать, если я займу место графини? – обратилась она к медиуму, и, не дожидаясь ответа, вновь окликнула мадам Бёрлингтон. – Дорогая, вы не принесёте моё манто?

– Разумеется, – холодно ответила графиня.

Она принесла манто для певицы и удалилась; Мелисанда поднялась и направилась к освободившемуся месту между Фицгилбертом и полковником. Её манёвр вызвал бурю движения на этой стороне стола: князь Урусов вставал с места – Мелисанда никак не могла справиться со своими мехами, и медиуму пришлось помочь ей накинуть манто. Полковник Брюстер резво вскочил, чтобы подвинуть примадонне кресло, галантно поправил манто, запутавшееся в ножках, и вновь занял своё место. Пока Мелисанда производила все эти беспокойства, баронесса Фицгилберт пожаловалась, что оставила платок в сумочке. Она прошла за спинами сидящих и на долю секунды задержалась за спиной супруга, наклонившись, и, очевидно, о чём-то спросив его. Ответил ли ей барон, Ива не слышала, но ей показалось, что барон коротко кивнул. Баронесса прошла к креслам, стоявшим у стены напротив больших окон зимнего сада, рассеянно огляделась, с трудом нашла свой ридикюль и скоро вернулась с платком. Возвратилась она тем же порядком – подошла к столу, и прошла к своему месту за спинками кресел.

– Что за странный манёвр? Не проще ли было срезать угол и подойти прямо к своему месту? – удивился Суон.

– Бедняжка очень близорука, насколько я успела заметить, а в салоне было темно. Свеча стояла на столике у входа в зимний сад и практически не освещала залы. Но, может быть, у неё была и другая причина держаться стола и пройти мимо мужа.

– Итак, своих мест не покидали лишь вы – как это предусмотрительно с вашей стороны! – и граф Бёрлингтон. Теоретически, любой из остальных мог проткнуть барона Фицгилберта шилом, это секундное дело, но, боже мой – зачем?

За время рассказа Ивы на странице записной книжки Суона появилась схема, перечерченная стрелочками перемещения гостей. На другой страничке разворота росло одинокое дерево с голыми ветвями. Суон задумчиво полистал свою записную книжку и остановился в нужном ему месте.

– А ведь на Фицгилберта уже однажды совершали покушение. Около полугода назад...

– Теперь я припоминаю, – сказала Ива. – Флитгейл заметил тогда, что в газетах писали о вашей блестящей роли в расследовании покушения на барона Фицгилберта! Это очень интересно. И что там случилось?

– Тогда дело выглядело совершенно ясным. Барон попал в аварию по дороге из своего имения в Лондон, когда ехал в своём авто. Он был большим любителем автомашин и часто сам управлял мотором, хотя у него имелся шофёр. Так вот, машина потеряла управление и на довольно приличной скорости вылетела в придорожную канаву. Фицгилберт чудом остался жив, у него были лишь незначительные ушибы, а вот осмотр того, что осталось от его авто, показал, что тормоза были выведены из строя. Моё подозрение пало на механика, который обслуживал гараж его превосходительства, некого Биссета. Довольно странный тип, бывший инженер, потерявший работу из-за дурного характера. Фицгилберт взял его в свой гараж и изрядно платил ему за работу; более того, барон позаботился о сыне Биссета, отправил его в хорошую школу; и также о его жене, дал денег на какое-то весьма дорогое лечение. Вроде бы Биссет продолжал свои инженерные занятия, у него даже было что-то вроде кабинета над гаражом; держался он от всей прислуги наособицу, ни с кем близкой дружбы не свёл, словом – был сам по себе. Многие свидетели показали, что, несмотря на все благодеяния Фицгилберта, Биссет часто пререкался с хозяином. У него был помощник, мальчик по имени Дэвид; так вот он сообщил, что накануне покушения барон заходил в гараж, и они с Биссетом сильно повздорили. Подробностей он не слышал, но, в общем, дело представлялось весьма ясным. Биссет поссорился с хозяином и подстроил аварию, решив отомстить. Так что моя роль в этом деле была очень скромна. Я лишь отсею ненужные версии, и поручил сосредоточить усилия на Биссете.

– Звучит очень правдоподобно... – согласилась Ива.

– Меня несколько озадачило поведение жены Биссета на суде. Она всё время кричала с места: «Скажи им правду, Том, скажи им правду!». То есть, я понимаю, что это может быть совершенно естественным желанием супруги помочь бедолаге, а может быть в деле, действительно, были какие-то дополнительные подробности, которые могли бы изменить приговор... Я был бы не прочь теперь вновь поговорить с Биссетом, но он умер в тюрьме, у него был больной желудок.

– Вот как? – с интересом откликнулась Ива.

– Да, почти сразу после приговора. Но я не вижу никакой очевидной связи с нынешним убийством. Вполне вероятно, это печальное совпадение.

– Совпадения! – презрительно фыркнула Ива. – Конечно, было бы очень хорошо, если бы это было совпадением.

– Понимаю вашу иронию, дорогая мисс Ива, – покорно согласился Суон, – хотя обстоятельства этих покушений так несхожи. В любом случае, мне придётся вновь разговаривать со всеми участниками этого злополучного сеанса, и опять это что-то мне напоминает, – посетовал он.

– Дорогой инспектор, я с удовольствием бы присоединилась к вам инкогнито, как прежде, но теперь это будет куда сложнее, – улыбнулась Ива, – я не смогла уберечься от солнца, и теперь только грим... – ведунья вдруг замолчала и посмотрела на Суона с любопытством.

– Послушайте, Суон, вся эта история с браслетом... Это очень странно. Если таким образом кто-то хотел отвлечь наше внимание от чего-то важного, то это может быть лишь мадам фон Мюкк, или некто, так ловко укравший браслет с её руки. Но это совершенно лишено смысла. Я не верю в совпадения. Думаю, что с этой примадонной следует говорить очень и очень осторожно.

– Мисс Ива, мой вопрос довольно глуп, но я хотел бы перестраховаться от возможных неожиданностей. Вы ведь видели этот браслет? – Ива кивнула. – Он, случаем, не представляет собой ничего особо примечательного с ... оккультной точки зрения?

– Ну, инспектор, любой предмет, по сути, может расцениваться как магический. Но этот браслет... Нет, ничего особенного.

– А вы, случайно, не видите ничего, что бы могло нам помочь, так сказать – внутренним взором?

– Как мило, инспектор, что вы об этом спросили, – очаровательно улыбнулась Ива. – Я не могу злоупотреблять милостями духов, но то, что я вижу безо всякого духовного руководства... это довольно интересно. Я вижу здесь страсть. Мимолётную, но знойную. Но я вижу и расчёт – холодный, механический расчёт. Я вижу случайность, но здесь есть и закономерность. Да, смерть Фицгилберта была случайной, но она была неизбежной. Всё смешалось, я должна ещё подумать об этом. Каков ваш план, инспектор, с чего вы начнёте?

– Даже не знаю. Его светлость граф Бёрлингтон опять собрал у себя в салоне столь разношёрстную публику! От его сеансов одни неприятности. Следует разобраться – кто есть кто в этой истории и постараться связать каждого с убитым. Собственно, я уже навёл справки об этом князе Урусове. Он действительно князь и действительно Урусов. Приписан к дипломатическому корпусу. Известная фамилия, молодой человек хорошо известен в лучших европейских домах, я получил разрешение встретиться с ним. Правда, в присутствии русского консула, но это лучше, чем ничего, учитывая некоторую напряжённость в отношениях наших государств. Поговорить с вдовой пока невозможно – она в глубоком шоке, и врач посоветовал отложить допрос на день или два. А сегодня вечером... хм...

Суон немного смутился, а затем недовольно посмотрел в свою книжицу:

– Сегодня вечером я приглашён в оперу. Я в ней ничего не понимаю, право слово, но мадам фон Мюкк была очень, очень любезна, и пригласила меня посетить её после спектакля в гримборной.

– Прекрасно, инспектор! – Ива зааплодировала с восхитительной лукавой гримаской. – Надеюсь, вы умело воспользуетесь этим шансом. Позвольте мне поговорить с графом Бёрлингтоном и графиней. С ними мне не нужно соблюдать инкогнито, и они будут вполне откровенны как давнишние знакомцы.

– Отлично. Держите меня в курсе. И вот что, как-нибудь невзначай расспросите графа – что это за полковник Брюстер. Признаться, у него репутация искателя приключений: я слышал от своих сослуживцев по Индии, что он переводился из полка в полк с подозрительной регулярностью, а его подвиги в Северной Африке и вовсе напоминают авантурный роман.

– Непременно. А вам желаю приятного вечера в опере. Главное, инспектор, – помните, что для Мелисанды фон Мюкк – поистине «весь мир – театр», – полушутя предупредила Ива.

– Да, кстати... Надеюсь, вы простите мой дружеское любопытство? Мистер Флитгейл... он уже сделал вам предложение?

Ива засмеялась, нежно коснулась тугого цветка хризантемы в вазе, пробежала тонкими пальцами по игольчатым лепесткам, и посмотрела на Суона искрящимся взглядом.

– О, нет, инспектор. Я бы этого не допустила... пока.

В театре давали «Набукко»², оперу, имевшую грандиозный успех у публики, которую слышали все, кроме инспектора. Суон перечитал брошюрку либретто, но уследить за событиями не мог до самого финала. Правда, его впечатлили грандиозные декорации и роскошные костюмы, выполненные в монументальном библейском стиле, но в целом Суон не был любителем оперы и страдал от громких звуков.

Мадам фон Мюкк пела Фенену, пела бесподобно, то и дело срывая аплодисменты и вызывая экстатическое «Браво!» с галёрки. Под финальные овации на сцену вынесли огромные

---

² «Набукко», или «Навуходоносор» – опера Джузеппе Верди на либретто Темистокле Солера, основанная на библейских событиях. Действие происходит в Иерусалиме в VI веке до нашей эры. Набукко – сокращённая итальянская интерпретация имени царя Навуходоносора II. Впервые опера была поставлена в Милане в 1842 году.

корзины цветов, полетели букеты, Мелисанда поднесла несколько коробок с презентами от благодарной публики. Сидя в гостевой ложе, Суон тоже сжимал в руках букет, который, признаться, не знал, куда приспособить и который изрядно ему надоел. В конце второго акта он собрался уж было метнуть его на сцену. Но потом счёл, что будет лучше явиться с цветами в гримуборную, и мучился дальше – неудобством от дюжины роз и двусмысленностью предстоящего визита к певичке.

Наконец, зрители стали покидать свои места, Суон направился к служебной двери около занавеса, и был препровождён к примадонне. Подле её дверей толпились поклонники, жалобно взывая к певичке и потрясая букетами, но театральный служитель провёл инспектора сквозь толпу, постучал особым, тремолирующим стуком, и инспектор вошёл в уборную, вызвав ревнивое негодование в толпе верных обожателей мадам фон Мюкк.

– Вам понравилась опера? – спросила Мелисанда, отрываясь от зеркала и поворачиваясь к Суону. Она была ещё в костюме, и, вероятно, ещё в роли любимой дочери Навуходносора, очень возбуждённая, с горящими глазами, с лихорадочным румянцем, пробивающимся сквозь толстый грим.

– Я под глубочайшим впечатлением, – искренне признался Суон, вручая ей розы.

Мелисанда торжествующе улыбнулась, с чувственной жадностью посмотрела на цветы, а потом перевела взгляд на инспектора так, будто готова была отдаться ему сейчас же. Она относилась к тому типу актрис, которые испытывают от игры род сладострастного возбуждения, и эта страсть естественным образом выходила за пределы сцены. Мелисанда обольщала мужчин неосознанно: она просто источала наэлектризованную ауру чувственности, и горе было тому, кто оказывался слишком слаб, чтобы сопротивляться этой силе. Неудивительно, что примадонна была замешана в невероятном количестве скандалов, и оставалось лишь посочувствовать барону фон Мюкк, который явно недооценил таланты своей супруги. Суон с трудом сохранял самообладание, но в его мозгу отчётливо и предостерегающе прозвучал голос Ивы: «Весь мир – театр...». Быть актёром в театре мадам фон Мюкк вовсе не входило в планы инспектора.

Примадонна позволила Суону сесть на банкетку и внезапно изобразила перед инспектором сцену глубокого раскаяния.

– Ах, мистер Суон, мне так неудобно, право! Мой браслет, он нашёлся. Так странно, в моём мантио, там, знаете ли, небольшая муфта... Я была уверена, что за столом была в нём, и вдруг! Я невнимательна, наверное. Обнаружила, только придя домой. Я не очень расстроила вас, дорогой мистер Суон? – лицо актрисы выражало самое глубокое сожаление.

– Прекрасно, миссис фон Мюкк, я очень рад за вас, – Суон был потрясен до глубины души, но всё же держался приятного, любезного тона. – Вы не позволите мне взглянуть на этот браслет?

– О, конечно, инспектор. Право, это такая безделица... – Мелисанда вынула браслет из ящичка своего туалетного столика и протянула инспектору, – Но, право, потерять его для меня было бы истинной трагедией. Конечно, он очень мне нравится, но дело даже не в этом.

Браслет, действительно, выглядел не слишком шикарно по сравнению даже с теми скромными жемчугами, которые лежали на туалетном столике перед актрисой. Толстый, вероятно, дутый, браслет тёмного серебра был украшен филигранью и крупными, неправильной формы камнями ярко-голубой с чёрными жилами, бирюзы. Несколько мелких кораллов были неровно посажены среди бирюзы.

– Простите, мадам, ваши ценности застрахованы, я надеюсь?

– Да, я всё страхую у «Зигеля и Брауна», но дело не в этом... Вы знаете, мой муж... пока ещё муж... я надеюсь, что скоро я стану свободна... он так патологически ревнив! Как венецианский мавр! Вы не представляете себе, как я страдаю, – губы Мелисанды задрожали, она отвернулась, прикрыв глаза рукой, и продолжила трагическим голосом. – Я не могла себе представить. Эти отвратительные сцены ревности! Эта мелочность! Эти оскорбительные обви-

нения! Боже мой, я не могу вспоминать без ужаса... Представьте себе: я пела в Париже с одним молодым тенором, очень успешно, и подарила ему на память милую безделицу, золотую бонбоньерку с эмалью. Подарила, просто повинувшись доброму чувству. И этот мавр! – он ворвался в мой номер, осыпал меня оскорблениями, чуть не убил бедного Мишеля, представьте – отобрал у него бонбоньерку и буквально вышвырнул его вон! Это было невыносимо!

Суон не стал уточнять, что делал бедный Мишель в номере мадам фон Мюкк, а только сочувственно промывчал нечто нечленораздельное и спросил о другом:

– Мадам, мне не хотелось бы вновь подвергать вас переживаниям, но мне придётся задать вам несколько вопросов о вечере у Бёрлингтона.

Мелисанда согласилась и более-менее в соответствии с рассказом Ивы описала события сеанса.

– Простите, мадам, а знали ли вы барона раньше? – уточнил Суон.

– Нет, совершенно не знала. Я вообще никого не знала, кроме графа и графини. Вы знаете, граф Бёрлингтон – меломан и меценат, он не пропускает ни одного спектакля! А вот бедняжка графиня... Удивительно, при таких внешних данных быть такой вялой особой...

– Мадам, – перебил её Суон, – а почему вы решили поменять место?

– О, инспектор, – дива немного растерялась, скорее не от вопроса, а от того, что её перебили, – я вовсе не хотела менять место. Напротив, я хотела сидеть рядом с князем Урусовым. О, скажите мне, ради бога, инспектор, вы не подозреваете его? Я хотела сказать, что вы не должны делать этого! Он обладает поразительным магнетизмом, я вся дрожала, чувствуя, как он берёт мою руку... – примадонна вновь разволновалась, и глаза её загорелись сладострастным огнём, – но, знаете ли, я сидела спиной к дверям в зимний сад. Там был ужасный сквозняк. Певице приходится многим жертвовать ради своего голоса. Мне пришлось пересесть, тем более, раз уж графиня ушла...

– И вы не заметили ничего подозрительного, когда проходили за креслом барона Фицгилберта?

– Нет, ровным счётом ничего. Но там было темно, вообще ничего не видно. Если бы милый князь и полковник Брюстер не помогли мне, я бы, ей-богу, запуталась... И я всё время думала – какой вопрос задать Таис Афинской. Мне казалось неудобным спрашивать о мелочах, поэтому я спросила – буду ли я петь в Америке. И, представьте себе...

Суон покинул примадонну, оставив её в некотором разочаровании; уходя, он слышал, как воодушевлённые поклонники штурмовали дверь её уборной, и как театральный служитель взывает уставшим голосом: «Господа, мадам отдыхает! Сейчас господин реквизитор соберёт ваши букеты! Не ломайте же двери, мадам отдыхает!»

Глава 3. Графиня и вдова Фицгилберт

Ива сидела в гостиной графа Бёрлингтона, в том самом салоне, в котором день назад произошло странное убийство барона Фицгилберта. Граф в расстроенных чувствах сидел напротив неё за чайным столиком; графиня, сохраняя изумительное спокойствие, разливала чай в китайские чашки.

– Я давно был коротко знаком с Эдвардом, бароном Фицгилбертом. Прекрасный был человек. И вот что важно – он был безупречно, кристально честный человек. Исключительный друг, и в Адмиралтействе его очень, очень ценили. Не могу себе представить, что кому-то понадобилась его смерть. Бедная баронесса. Она совершенно раздавлена.

– Да, она была ему бесконечно предана, – заметила графиня.

Бёрлингтон тихо кашлянул, стараясь подавить циническую усмешку. Было бы странно предположить, что баронессу осаждали толпы воздыхателей, подвергая её супружескую преданность серьёзным испытаниям. Графиня посмотрела на супруга с осуждением, но ничего не добавила, а только достала из небольшой корзинки у ног рукоделие и стала внимательно рассматривать его.

– Граф, расскажите мне, как вы умудряетесь собирать у себя столь пёстрое общество, что было позавчера? – спросила Ива, несколько разряжая неприятную паузу.

– О, я, видите ли, хотел собрать совсем небольшое общество. Я ведь честно признался вам, что хотел испытать князя Урусова, и потому решил пригласить самых разных людей...

– А откуда вы знаете самого князя Урусова? – спросила Ива.

– Я был знаком ещё с его отцом! Мы познакомились с ним в Берлине, на каком-то приёме. А тут я встретил младшего князя на банкете – увы, его отец скончался около года назад, – и мы с молодым Урусовым разговорились. Вы не поверите, мисс Ива – одно лицо! И манеры, и голос! Кажется, он сказал, что наслышан о моих салонах, и что сам практикует в качестве медиума. Я счёл вполне уместным пригласить его.

– Ах, вот как... А что остальные?

– Ну, полковника Брюстера считают одним из самых проникательных критиков спиритуализма. Мы с ним давно знакомы по Обществу исследования психических явлений, познакомились ещё до англо-бурской войны, когда он только вернулся с Востока. Я имел честь присутствовать на заседании, где он докладывал о восточных практиках, которые наблюдал в Индии. Барона Фицгилберта я пригласил оттого, что он был на том приёме, где я встретился с Урусовым. Я познакомил их, барон присутствовал при нашем разговоре. Естественно, я пригласил его. Ну, и решил, что будет неловко позвать его без супруги. Вот, собственно, и всё.

– А мадам фон Мюкк? – Ива приподняла бровь.

– Ах, да... – смеялся граф. – Это вышло в известной степени случайно. Видите ли, я был на премьере «Набукко», после спектакля был приём, и как-то вышло, что я пригласил её. Она пришла в восторг, когда услышала о том, что медиумом будет русский князь, она очень впечатлительна, как вы успели заметить. Настоящая актриса. Вот я и пригласил её. Надо же бедняжке как-то отвлечься от этого кошмарного развода!

Казалось, граф оправдывается в своей галантности. По крайней мере, он старался не смотреть на графиню, а на Иву изредка поднимал виноватый взгляд.

– Я понимаю. Я хотела бы спросить ещё вот о чём. Когда мы с вами, милая графиня, подошли к столу, почти все места были уже заняты, не так ли? – спросила Ива.

– Да, насколько я помню, – с некоторым облегчением от перемены темы ответила графиня.

– Дорогой граф, быть может, вы вспомните – гости рассаживались вокруг стола по собственному усмотрению, или кто-то взял на себя руководство этим процессом?

Граф пожал плечами и стал вспоминать:

– Кажется, Мелисанда сразу заняла место рядом с медиумом. Помню, что полковник Брюстер хотел сесть по другую сторону от него, но там уже сел барон Фицгилберт. Полковнику пришлось занять следующее кресло. Бедняжка баронесса даже растерялась – она, видимо, хотела быть рядом с мужем, но место оказалось занято. Я думаю, что полковник, без сомнения, уступил бы ей, но баронесса стояла как раз у него за спиной, и он, кажется, даже не заметил её... Тогда я пригласил её сесть рядом со мной, напротив барона. Кажется, так...

– Неужели полковник Брюстер не догадался уступить ей место? – с притворным негодованием спросила Ива. – Я мало знаю о нём, но он представляется мне человеком довольно грубых манер.

Граф Бёрлингтон поспешил встать на защиту своего гостя:

– О, мисс Ива, не судите так строго... Полковник Брюстер – вояка и путешественник, человек не салонный. Иногда он, конечно, бывает резковат, но, согласитесь, если бы не он, тогда здесь началась бы настоящая паника. И потом – он очень компетентный знаток оккультных наук, лично встречался с покойной мадам Блаватской, невероятно начитан. Я намеренно хотел, чтобы за столом оказались вы, мисс Ива, в чьих блестящих способностях я несколько не сомневаюсь, и полковник, известный своим критическим к ним отношением. Может быть, это не слишком честно по отношению к князю, но ведь мы с вами – современные люди... кругом так много лжи!

– Вы совершенно правы. Кругом полно лжи, – согласилась Ива. – А теперь, милый граф, вы не станете возражать, если мы с графиней уединимся в вашем прекрасном зимнем саду и немного поболтаем?

– Нет-нет, я несколько не возражаю! – обрадовался Бёрлингтон, помог жене собрать рукоделие и галантно проводил женщин в сад.

Там дамы остались наедине и присели на ротанговый диванчик с подушками. Графиня вновь развернула своё рукоделие. Она выглядела очень сосредоточенной на своём бархатном саше, но складочка меж бровей всё же была не только следствием усердия. Графиня обладала поистине фантастической выдержкой и на удивление сильным характером, прятаясь за прекрасными мягкими чертами и безупречными манерами. Ива знала, как тяжело давалось ей безмятежное спокойствие: граф любил жену безусловно, но был натурой увлекающейся и не без авантюрной жилки. Графиня более всего ценила покой и те милые блага, которыми её обеспечивало её состояние и положение в обществе, но вынуждена была мириться с разнообразными увлечениями и затеями супруга. Между нею и Ивой давно были отношения доверительные, хотя графиня никогда не прибегала к услугам прорицательницы, а Ива не имела обыкновения сводить со светскими дамами коротких дружб.

В саду царили безмятежность и покой, как нельзя более подходившие характеру графини. Экзотические растения в кадках создавали настоящие эдемские кущи; в клетках, развешанных тут и там, весело пели разноцветные кенары, своим щебетаньем, хлопаньем крыльев и перескоками с жёрдочки на жёрдочку производя приятные, живые звуки. Здесь складка на лбу графини слегка разгладилась, лицо её стало совершенно спокойным и немного усталым.

– Сесилия, дорогая, можно я задам вам несколько деликатных вопросов? Поверьте, никому, кроме вас, я не стала бы задавать их, – ласково спросила Ива, любясь вышиванием хозяйки.

– Ива, вы можете задать мне любой вопрос, вы знаете, что я буду с вами откровенна.

– Это чудесно. Скажите мне, дорогая, что вы думаете о баронессе Фицгилберт?

Графиня Бёрлингтон задумчиво пожала плечами. Через несколько секунд она опустила глаза на рукоделие, чтобы вколоть иглу с жемчужной бисеринкой в бархатное саше, слегка вытянула губы от сосредоточенности, и, уже вытянув иглу с нитью, ответила:

– Она очень милая женщина. И она была совершенно искренна, когда говорила, что была счастлива с Эдвардом. Он был действительно прекрасным человеком, и очень порядочным. Исключительно порядочным человеком. А она была ему достойной партией: более преданной жены мне не приходилось встречать. Она боготворила его и относилась к его деятельности так, что вызвала уважение не только дам, но и джентльменов. Она сумела привить эти чувства также и детям, что, конечно, характеризует её самым лучшим образом.

– Значит, у неё не было совершенно никаких причин желать смерти своему мужу?

– О, разумеется, нет! Я не могла бы и подумать такое.

– Что же, это понятно. А что вы скажете о мадам Мелисанде фон Мюкк? – спросила Ива, не сводя глаз с графини.

Сесилия воткнула иглу в свою работу наугад, уколола палец и вздрогнула от боли, или не от боли, но отдернула руку и посмотрела Иве прямо в глаза с каким-то ожесточением.

– Мой муж от неё в восторге.

– Она в самом деле замечательная певица, – с мягким нажимом заметила Ива.

– Да, у неё прекрасный голос, – напряжённо подтвердила графиня, откладывая рукоделие, – но она сеет своим талантом зло. Она... она отвратительна! Не могу поверить, что мой муж... – голос её дрожал.

– Вам нечего опасаться, дорогая Сесилия, – мягко заверила Ива и взяла графиню за руку дружеским, сочувствующим жестом, – она не причинит вреда вам. О, да, она вызывающе безнравственна, но вас это не коснётся.

Графиня Бёрлингтон всхлипнула, а затем разразилась слезами.

– Ну-ну, дорогая, вы стали жертвой светского ужаса перед этой женщиной. Все эти слухи, перешёптывания... Успокойтесь. Постарайтесь, всё же, составить какое-нибудь мнение о ней. Вы считаете, что всё её зло лишь в чувственной несдержанности?

Графиня отёрла слёзы, задумалась, поглаживая ровные ряды бисера на своём вышивании, и через некоторое время ответила:

– Ива, дорогая... Вы всегда утешаете меня. Конечно, она всего лишь избалованная обществом примадонна.

– Да-да, без сомнения. И всё же, что вы думаете о ней?

– Знаете ли, Ива, я вовсе не считаю, что Мелисанда – несчастная жертва в этом разводе, – заговорила графиня доверительно. – При её поведении... Кем она была до брака с бароном фон Мюкк? Да, прекрасный голос и выразительные данные, но ведь мы с вами прекрасно понимаем, что в закулисной мире это совершенно не гарантирует успеха. Деньги. Шикарные туалеты, бриллианты, дорогостоящие турне, лучшие гостиницы, – говорят, в Милане он скупил за свои деньги все цветы в городе и оплатил клаку, чтобы ей устроили овацию. Он покупает ей бенефисы, оплачивает оркестр. Кем бы она была, не будь она баронессой фон Мюкк? Голосистой хористкой? Теперь, получив такую славу, видимо, она считает, что более не нуждается в муже. У неё остаются деньги, драгоценности, титул, известность, обожатели. А за что мы ненавидим барона? Только за то, что он немец? Но этого недостаточно для того, чтобы ненавидеть его и сочувствовать Мелисанде. Она могла бы хотя бы из чувства благодарности оказывать ему большее уважение. О, если бы она вела себя несколько скромнее, не ввязывалась в отвратительные, неблагопристойные скандалы...

– Как вы правы, Сесилия. Вы удивительно благоразумны. А что, барон фон Мюкк сейчас в Лондоне?

– Да, насколько я знаю, – графиня вернулась к своему вышиванию вновь с выражением изумительного спокойствия.

* * *

Коронерский суд, назначенный лишь на третий день после убийства (в связи с неординарными его обстоятельствами), был, тем не менее, в значительной степени формальным и чрезвычайно кратким. Инспектор Гэйбл кратко и сухо изложил факты, медицинский эксперт высказал своё мнение о причинах смерти, которые и без того были очевидны, допросили свидетелей, и то не всех. Баронессу Фицгилберт освободили от дачи показаний, за неё коротко отчитался её адвокат, за князя Урусова представительствовавший какой-то господин из посольских. Женщин также не стали слушать. Жюри практически не совещалось и вынесло однозначный вердикт, не проливавший никакого света на произошедшее. То, что Фицгилберта убили, было и так ясно, что неустановленным лицом – также не подвергалось сомнению.

Тем не менее, на суде было полно зрителей и журналистов. Инспектор Суон наблюдал за происходящим из последнего ряда и вообще держался так, словно дело его вовсе не касалось. Мисс Ива, сидевшая неподалёку, в плотной вуали, окутывавшей её маленький тюрбан густым туманом, с интересом рассматривала публику. Как только заседание закончилось, журналисты устремились к участникам процесса, особенно плотно обступив мадам Мелисанду фон Мюкк, явившуюся в суд в белом пальто и в огромной шляпе с цветами.

Баронессу Фицгилберт увели через боковую дверь, Суон быстро пошёл за ней, Ива также поторопилась за ними. Увидев её движение, Суон помедлил, придерживая дверь, пропустил её в служебный коридор суда и решительно захлопнул дверь перед самым носом юркого журналиста, который собирался проскользнуть за ними.

Баронесса сидела в небольшой судейской комнатке, рядом с ней стояло двое мужчин: один, поразительно похожий на покойного, – его младший брат. Рядом был и поверенный семьи, мистер Кук, тучный господин с тростью. Поверенный поприветствовал Суона:

– Я знаю, старший инспектор, что вы будете курировать это дело, и очень доволен. Какое несчастье, какая потеря для всей Британии, – отдышливо запыхтел он, пожимая руку инспектора.

– Несомненно, – согласился Суон приличествующим тоном. – Позвольте принести вам мои самые искренние соболезнования, мадам, мистер Фицгилберт...

Баронесса подняла на него опухшие, немного бессмысленные глаза и кивнула. Она была довольно спокойна, что, скорее всего, являлось следствием действия медикаментов, одета в простой, до аскетизма, траур. Потом она перевела глаза на мисс Иву, явно не узнавая её.

– Мисс Ива также зашла выразить вам своё сочувствие, мадам... – пояснил Суон, и Ива вышла из-за его спины и сказала несколько соболезнующих слов.

– Мадам, я понимаю ваше горе, и ваше состояние, но если вы позволите, мне хотелось бы прямо сейчас покончить с некоторыми необходимыми вопросами...

– Я уже сообщил жюри всё необходимое, инспектор! – возмутился тучный поверенный, пристукивая массивной тростью.

– Простите великодушно, мистер Кук. Но ведь вас не было у Бёрлингтонов, не так ли?

Мистер Кук начал было пыhtеть и возмущаться, но баронесса подняла на него несколько рассеянный взгляд и почти равнодушно возразила:

– Пусть. Я всё понимаю, инспектор, спрашивайте. Ведь когда-то это надо сделать. Я справлюсь. Присаживайтесь и вы, мисс Ива.

– Благодарю вас, мадам. Я надеюсь, что мистер Фицгилберт также ответит на один вопрос, чуть позже. Итак, мадам, с кем из гостей графа Бёрлингтона вы были знакомы прежде?

– Только с Бёрлингтонами, сэр. Более я никого не знала.

– А ваш покойный супруг?

– Не знаю... Не уверена. Видите ли, я редко выезжаю, я домоседка...

– Хорошо, тогда скажите: когда вы встали из-за стола и пошли за платком – вы разговаривали со своим мужем?

Баронесса до белизны сжала пальцы, но справилась с собой и ответила ровным тоном:

– Я искала мой ридикюль. Я оставила его на диване у стены, и забыла. Там остался платок, а было так душно...

– Значит, вы спросили его о своей сумочке? И что он вам ответил?

Баронесса задумалась, потом, нахмурившись, вновь заговорила:

– Я спросила его: «Дорогой, моя сумочка на диване?» Он кивнул.

– Только кивнул?

– Кажется, да. Знаете, как раз в тот момент полковник отодвигал кресло для той певички. Может быть, барон сказал что-то коротко, но я не расслышала.

– А когда вы возвращались на своё место – вы вновь прошли мимо его кресла?

– Да. Знаете, там было очень темно. Я почти ничего не вижу в темноте, я побоялась.

– И вы не заметили ничего странного, подозрительного, необычного? В фигуре супруга, или в поведении других людей? Вы ведь сидели прямо напротив мужа, не так ли? Вы могли заметить что-нибудь неестественное.

– Инспектор, я уже сказала вам, что довольно плохо вижу. Но знаете, мне показалось немного странным, что Генрих сидел ссутулившись, обычно он держится очень прямо... Но я не придавала этому значения, подумала – он что-то рассматривает, или просто устал... – баронесса отвечала тихим, бесцветным голосом, время от времени поглядывая на своего деверя. Тот ободряюще кивал, продолжая стоять подле её стула.

– Скажите, мадам, мог ли кто-нибудь желать смерти вашего мужа по каким-либо личным мотивам? Ссоры, обиды?

– Инспектор, вы совершенно не знали барона, – горестно заметила Фицгилберт. – Он производил впечатление человека сухого и чопорного, но это не так, совершенно не так! Он был прекрасным семьянином и чудным другом, он обожал наших детей. В нашем доме часто гостили его друзья и сослуживцы, у него не было личных врагов!

– Клара совершенно права, – вступил младший Фицгилберт, – мой брат был прекрасным человеком. В обществе он всегда держался очень строгих правил, но это никак не значит, что у него могли быть личные враги.

– Да, благодарю вас, мистер Фицгилберт. Может быть, вы знаете – не говорил ли он о каких-нибудь неприятностях на службе?

– Нет, инспектор. Напротив, он был очень деятелен и очень доволен. На службе его высоко ценили. Это неудивительно – он был человеком чести, бесконечно преданным своему делу. Он пользовался полным доверием и вообще... я не представляю, кому могла понадобиться его смерть. Совершеннейшая нелепость.

– Скажите, а как барон перенёс покушение полугодовой давности? Он был подавлен, или взволнован? Вдова Биссета не обращалась к нему с угрозами, или просто с упреками? – спросил Суон, теперь уже полностью повернувшись к брату убитого.

– Он был очень расстроен. Никак не мог поверить, что Биссет на такое способен. Он сам съездил к его жене и передал ей чек на довольно приличную сумму. Выплачивал ей что-то вроде пенсии, и к тому же оплачивал обучение сына Биссета в колледже. У вдовы не было причин ненавидеть моего брата, поверьте мне – немногие на его месте стали бы проявлять такую доброту, и миссис Биссет прекрасно это понимала.

– Ну что же, пожалуй, это всё, что я хотел знать, пока, – Суон захлопнул записную книжку и поднялся. – Ещё раз... мои искренние соболезнования.

Ива, всё это время сидевшая очень тихо и никак не вмешивавшаяся в разговор, тоже поднялась, подошла к вдове и положила ладонь на её сцепленные на коленях руки.

– Дорогая миссис Фицгилберт. Я бесконечно сочувствую вашему горю.

Баронесса посмотрела на Иву, впервые проявив хоть какое-то чувство, с отчаянием глубочайшего горя:

– Я справлюсь с этим, благодарю вас, дорогая. Но пятеро наших детей остались сиротами.

Глава 4. Тайна браслета

– Да, граф Бёрлингтон пригласил меня, чтобы я разобрался с этим русским. Князем Урусовым, – без обиняков сообщил полковник Брюстер.

Он принимал Суона в своём кабинете, весьма впечатляющем. Полки были уставлены разнообразной колониальной дребеденью: фигурками, кальянами, кувшинами. В углу вместо столика стояла слоновья нога, а все стены кабинета был увешаны трофеями экзотических сафари и оружием, один вид которого мог повергнуть противника в паническое бегство. Особо впечатлял африканский трумбаш – огромный кривой и широкий нож с шипами и кривыми лезвиями, ответвлявшимися от широкой, остро заточенной лопасти. Суон осмотрел коллекцию с невольным почтением. Хозяин кабинета, полковник в отставке, с удовлетворением наблюдал за реакцией Суона.

– И что же? – спросил, наконец, Суон, занимая кресло напротив Брюстера.

– Всё – полное враньё! – решительно ответил тот.

– Что именно?

– Он – такой же медиум, как я – принцесса эфиопская! Шарлатан! Интересно, на что он рассчитывал? На чувствительность здешних дам? – полковник хохотнул.

– И всё же, нельзя ли поподробнее?

– Поподробнее? Для начала – он самозванец!

– Позвольте, нам уже совершенно точно известно, что князь Урусов...

– Да будь он хоть трижды князь! Вы знаете, как он себя отрекомендовал? Как ученика мадам Блаватской! А теперь – прикиньте, любезный инспектор, сколько лет этому князю? Никак не более тридцати! И что же, он учился у мадам Блаватской малым ребёнком³? Знаете ли, мне посчастливилось лично встречаться с мадам, и что-то не припомню, чтобы она окружала себя пажами из молокососов!

Полковник говорил громко, гулко, явно получая удовольствие от своей прозорливости.

– Значит, он солгал. Интересно, для чего же?..

– Мошенник! Знаете ли, производит впечатление! Если б вы видели, как дамы им интересуются. Вон, та певичка – чуть на шею ему не вешалась. Полагаю, что дамы от него так и мрут. Но даже со своего места мне было прекрасно видно, что он жульничал. Скажу вам – он тряс стол ногами, да. Если бы не убийство барона – я бы устроил ему полное разоблачение! А Бёрлингтон, он, знаете ли, прекрасный малый, но доверчив, как дитя. Хотя у него хватило ума пригласить меня.

– Что же, я вас понимаю. А что насчёт убийства барона Фицгилберта? – Суон занёс карандаш над листком своей книжицы, готовый зафиксировать лапидарный и безапелляционный ответ полковника.

– Он и убил!

– Вы это видели? – уточнил Суон.

– Нет, конечно. Никто ничего не видел. Но князь долго копался за креслами, пока наряжал нашу примадонну в её меха. Я-то встал, чтобы подвинуть ей кресло – а князь в это время ещё топтался там, сзади. Ещё баронесса Фицгилберт пустилась за своим ридикюлем, мы буквально столкнулись там, за креслом барона. А барон – ни гу-гу. Вы понимаете?

– Понимаю. Вы все там столкнулись, втроём. И что, барон никак не отреагировал, когда супруга к нему обратилась?

---

³ Елена Блаватская, знаменитая оккультистка, основательница Теософского общества, умерла в 1891 году. Действие романа происходит в 1904.

– Никоим образом. Ну, по крайней мере, он ничего не сказал. Он вообще сидел весь вечер эдаким букой. Нет, я понимаю – его положение диктует быть таким, но зачем он вообще пришёл на этот вечер? Да ещё и с супругой. Он на неё даже не посмотрел, когда она что-то спросила.

– А что Мелисанда фон Мюкк?

– Эта? А что, хорошая идея! Кстати, а ведь они были знакомы с бароном, а делали вид, что нет!

– Что вы имеете в виду? – опешил Суон.

– Ага! Значит, никто ничего не заметил? – полковник радостно засмеялся. – А вот я заметил. Это было перед самым началом сеанса, когда все рассаживались. Она уже сидела, а Фицгилберты прошли мимо неё. Тогда барон и спросил про её мужа. «Господин фон Мюкк в Лондоне?» – спросил он. Она что-то ответила, кажется – «да». Тогда он вновь поклонился и сказал: «Что же, передавайте ему от меня поклон», ну или что-то в этом роде.

– Что же, это говорит только о том, что Фицгилберт знал фон Мюкка.

– И то верно. Слушайте, да она ведь запросто могла проткнуть Фицгилберта чем-нибудь! Пока она там крутилась со своей шубой... О, так они же с князем в сговоре были! – полковник был явно увлечён таким детективным сюжетом.

– И зачем же им убивать Фицгилберта? – поинтересовался Суон.

– А это уж ваша епархия, старший инспектор. Ну, покопайтесь там, в их делишках – но совершенно точно, эти двое были в сговоре! Это я вам говорю! И вот ещё что, инспектор. Не верю я в эти благопристойные викторианские семейства.

– Что вы имеете в виду? – удивился Суон.

– Ну, баронесса Фицгилберт... Ведь она к нему сзади вроде бы ближе всех подходила, – Брюстер мечтательно прикрыл глаза, видимо представляя себе, как баронесса протыкает своего мужа стилетом.

– Но что она выигрывает от смерти мужа?

– Ну мало ли что. Женщины совершенно непредсказуемы! Не думаю, чтобы тут был замешан другой мужчина, но наследство!

– Хорошо, полковник, мы это проверим. А что насчёт вашего места за столом? Вы разве не хотели сесть рядом с Урусовым, чтобы следить за его действиями?

– Разумеется, хотел. Но Фицгилберт меня опередил. И, конечно, певица – она кинулась к месту, как ошпаренная. Понятное дело, поближе к своему подельнику!

– Хорошо, хорошо, полковник. А вы не заметили на руке у мадам фон Мюкк браслета, такого массивного, с камнями? – спросил Суон.

– Боже правый, инспектор, я совершенно не разбираюсь в женских финтифлюшках, понятия не имею, что там у неё был за браслет! А что, это имеет отношение к убийству?

– Наверняка – нет, – уклончиво ответил Суон, качая головой, – просто хотел проверить. Суон поблагодарил собеседника и заметил тоном уже неофициальным:

– Прекрасная коллекция, полковник. Очень впечатляет. А у вас, случаем, нет такого редкого кинжала, который ещё называют «мизерикордом»? Читал вот, хотелось бы увидеть собственными глазами.

– Мизерикорд? – полковник как-то собрался и напрягся. – Вы имеете в виду стилет? Европейский или японский? Я, знаете ли, не очень интересуюсь европейскими клинками. Прimitив и никакой фантазии. У меня был один японский кинжал подобной формы, я его продал. Нет, инспектор, мизерикорда у теперь меня нет.

– Это не умаляет достоинств вашей коллекции, – заверил Суон. – Что вы намерены делать в отставке?

– Вот, пишу книгу, представьте себе. Об оккультных практиках дикарей. Столько, знаете ли, вранья и пустых слухов! Вуду всякое, ритуальный каннибализм, кровавые жертвоприно-

шения, чудеса! А я пишу всё как есть, исключительно – всё как есть. Бёрлингтон отговаривает меня публиковать, но дело движется, и книга почти закончена.

– Что же, желаю вам успеха, – откланялся Суон.

* * *

Мелисанда, только что вернувшаяся с репетиции, присела к туалетному столику в будуаре и стала аккуратно снимать драгоценности. Она задержала в руке небольшое кольцо с аквамарины, словно взвесила его на ладони, прикидывая, насколько оно ценно, и бережно уложила в изящный футляр.

Вошла горничная, подобрала сброшенное на спинку кресла мантию, потопталась, ожидая распоряжений, и удалилась с растерянным видом. Воспитание горничных – труд тяжёлый и неблагодарный. Эта, служившая уже три месяца, всё ещё не научилась самому простому – не мешать хозяйке.

Жаль, что пришлось уволить Элизу – она была неплохой горничной. Прекрасно укладывала волосы: пожалуй, она единственная умела так причесать, чтобы овал лица выглядел безупречно, а при таком массивном (волевом – считала примадонна) подбородке это было не так просто. И девушка прекрасно паковала чемоданы – так, что никогда и ничто не мялось в дороге. Но нельзя же оставить на службе горничную, которую обвиняешь в воровстве? Элизой пришлось пожертвовать ради ожерелья из чёрного жемчуга. Подарок Фердинанда к премьеры «Аиды».

Боже, какая это была премьера! Мелисанда прикрыла глаза, и волна приятного возбуждения окатила всё её тело: да, она стояла на сцене, в белой тунике, на груди её лежало тяжёлое золотое ожерелье с лотосами, на голове была чудная диадема, к её ногам летели букеты, публика ревела от восторга... От виконта де Басси принесли огромную корзину опьяняюще благоухавших белых лилий. А под лилиями, в серебристой бумаге, была спрятана очаровательная маленькая сигаретница из белого золота.

У виконта был очень тонкий вкус. Даже Фердинанд не стал этого отрицать. Он очень придирчиво рассматривал вещицу, пока Мелисанда получала поздравления в гримборной, и, как всегда, зверски ревновал. По крайней мере, тем же вечером он преподнёс ей чудное, чудное ожерелье из крупных чёрных жемчужин с ультрамариновым глубоким блеском...

Мелисанда довольно улыбнулась. Теперь это ожерелье лежало в сейфе у её итальянского поверенного, в Милане, и он уже подыскал покупателей на тридцать чёрных жемчужин; осталось только разобрать украшение и получить деньги. Эти деньги лягут на её итальянский счёт, вместе с теми, что она получила за это же ожерелье в качестве страховки от «Зигеля и Брауна». Разумеется, очень жаль Элизу. Но, в конце концов, Мелисанда же не стала доводить дело до суда, а просто вычла из её жалования стоимость бархатного футляра (он не был застрахован), да и отпустила на все четыре стороны...

Кроме всего прочего, Мелисанда считала себя очень умной и практичной женщиной. С аквамарины придётся повременить. Одно «ограбление» в год – этого вполне достаточно. Не слишком подозрительно, жадничать не стоит. Главное – скоро она получит развод, и будет совершенно свободна. Свободна и богата. А свобода – это... больше – никаких сцен от Фердинанда, гастролы и турне везде, где она только пожелает, а не где захочет муж, это, в конце концов, постоянный контракт в Милане или Лондоне. Фердинанд почему-то резко противился заключению постоянного контракта, но Мелисанде надоело жить на чемоданах. И ещё, свобода это – любовь! Море, океан любви, купание в лучах славы и обожания!..

Мелисанда вздохнула полной грудью, ощущая, как возбуждение горячит её щёки, и заставила себя вернуться к туалету. Она положила футляр с аквамариновым гарнитуром в ящичек туалетного столика, и взгляд её невольно упал на серебряный браслет. Она вынула его и

повертела в руках. Надо же, какой переполох она устроила из-за этого браслета! И как могло случиться, что она потеряла его на том сеансе? Удивительная история. Браслет был на правой руке, сперва она держала правой рукой руку князя Урусова (мурашки пробежали по телу от одного воспоминания), а потом по правую руку от неё сидел полковник Брюстер, этот вояка с мужланскими манерами. Когда она держалась за руку князя, браслет точно был на ней – он соскользнул к самой кисти и очень мешал. А потом... потом Мелисанда ничего не могла вспомнить, как ни старалась.

Но потерять браслет было бы ужасно! Фердинанд всё ещё адски ревновал её, и даже требовал отчёта о её тратах и приобретениях. Мелисанде было трудно признаться себе в том, что она боялась своего мужа. Да-да, всё дело было в том, что она ужасно боялась Фердинанда, его ледяного взгляда, его ровного бесчувственного голоса, даже звука его шагов. Он навёл на неё панический ужас.

И всё же, какая милая вещица! Совсем недорогая, но очень эффектная. Браслет состоял из двух половинок, соединённых с одной стороны петельками, с другой – замком. Мелисанда повертела браслет в руках и внимательно осмотрела замочек – серебряную шпильку на цепочке, запиравшую кольца, не очень аккуратно припаянные к другой стороне браслета. Может быть, шпилька всё-таки нечаянно выпала... Мелисанда подцепила ноготком серебряный ободок, и – ах! – серебряная заглушка боковины отвалилась, и Мелисанда увидела, что браслет и вправду был дутый: внутри открылась тёмная полость. Примадонна ужасно расстроилась и стала прилаживать серебряный кусочек обратно, поднеся браслет поближе к лампе. Присоединить отломившуюся деталь было нетрудно, но это уже не слишком занимало Мелисанду – там, в глубине, виднелся уголок чего-то белого. Мелисанда взяла булавку и осторожно подцепила ею краешек. Это была записка, туго свёрнутая крошечной трубочкой.

Что это? Откуда это?.. Мелисанда сперва округлила глаза в недоумении, а потом едва слышно засмеялась тихим, грудным смехом. Ах, боже мой, какой дурачок! Это ужасно, ужасно романтично, но можно ли так всё усложнять! Она получала любовные записки в цветах, в конфетных коробках, в носовых платках, даже во флакончиках для духов, но выкрасть её браслет с тем, чтобы оставить в нём такую крошечную записочку! Эти русские всё же такие странные. Ужасно мило, но так сложно!

Мелисанда наконец – то развернула бумажку и перестала смеяться, улыбка сошла с её губ, и она вновь растерянно уставилась на листочек не более двух дюймов шириной, где чётким почерком было выведено:

«5. Y708. sD974. X1111. Mk744...».

Примадонна в глубоком изумлении по буквам прочитала послание, одними губами проговорив все цифры, но выходила какая-то ерунда. Как ни прочитай – записка не имела никакого смысла! Мелисанда обиделась, кинула прочь бумажку, сунула сломанный браслет обратно в ящичек и посмотрела в зеркало с нескрываемой злостью. Неслыханная дерзость! Подкидывать ей какой-то ребус и считать, что она должна ломать голову над этими номерами. А впрочем... нумерология. Каббала! Ну, конечно!

Мелисанда пошарила по столику, выудила бумажку между пуховкой и склянкой кельнской воды, и снова внимательно всмотрелась в цифры. А она не так глупа, как кто-то может подумать! Вовсе нет, она очень умная и практичная женщина, да ещё и с прекрасно развитой интуицией и тонким чутьём (не говоря уже о вокальном и актёрском талантах). Ну, что же, если князь Урусов хочет с ней поиграть, то, пожалуй, и она не станет отказывать себе в таком удовольствии!

Это ничего, что он младше её, это даже очень пикантно. Княгиня – гораздо интереснее, чем баронесса! Мелисанда посмотрела в зеркало, приподняла подбородок и полюбовалась собой. Прошлой зимой они недолго были в России. Мелисанда дала пару домашних концертов, однако, в таких домашних театрах, которые дали бы фору иным придворным. Русские меха...

Да, меха, алмазы, золото, и что там ещё... Да, Императорский театр. Императорский. Говорят, у русского царя был роман с какой-то танцовщицей. Но Мелисанда гораздо лучше любой танцовщицы! Надо найти какую-нибудь книжку про Каббалу, прочитать записку, написать ответ в подобном духе, и князь у неё в руках. Или лучше найти какого-нибудь знатока, который прочитает и сам напишет ответ. Записку Мелисанда аккуратно спрятала в сумочку и засмеялась, не разжимая губ, утробным, торжествующим смехом, в театральной манере.

Но тут в коридоре послышались шаги – те самые, что наводили на примадонну ужас. Дверь открылась без стука, Фердинанд вошёл и встал за её спиной. Он смотрел на её отражение в зеркале с совершенно непроницаемым выражением лица, Мелисанда тоже смотрела в зеркало – её зрачки расширились от страха, а тяжёлый подбородок чуть съехал на сторону, моментально сделав лицо некрасивым.

– Как прошла репетиция? – сухо поинтересовался фон Мюкк.

– Что тебя интересует? Я прекрасно взяла верхнее си бемоль. Оркестр рукоплескал, – от страха Мелисанда всегда начинала дерзить.

– И что, твой новый обожатель тоже был в оркестре? – осведомился фон Мюкк.

– О ком ты?

– Ну что ты, дорогая, уже весь Лондон судачит о твоём восхитительном знакомстве с русским князем.

Мелисанда вспыхнула, но смолчала.

– Ты уже осыпала его дарами и ласками? И что, что на этот раз? Портсигар? Кольцо? Твои аквамарины? Браслет? – Мелисанда вздрогнула и закусил губу.

– Ах, браслет! Где он? Я спрашиваю – где твой браслет?

– Да здесь он, здесь! Просто он сломался. Замбк. Я чуть не потеряла его. Случайно. Соскользнул. И князь Урусов тут совершенно ни при чём! Я не видела его ни разу после приёма у Бёрлингтона!

– Си бемоль у тебя получается гораздо лучше, чем врать. Браслет.

Мелисанда достала браслет и буквально бросила мужу с ненавистью и страхом. Фон Мюкк с брезгливым выражением лица повертел вещицу в руках, с грохотом швырнул на туалетный столик и, играя желваками, буквально прошипел:

– Пока ты всё ещё моя жена, ты будешь вести себя как баронесса фон Мюкк. Иначе... иначе твой развод будет концом твоей карьеры. Скандальным провалом твоей оперетки!

– Мерзавец! Изверг! – закричала Мелисанда вслед удаляющемуся мужу, кинулась на софу, зарыдала, но, когда шаги затихли в коридоре, быстро успокоилась, встала, припудрила лицо, и ещё раз посмотрела на загадочную записку. Конечно, от Фердинанда можно было ожидать всего, что угодно; стоило ускорить бракоразводный процесс, и, не теряя времени, спиться с князем Урусовым.

* * *

Ива сидела на козетке, вытянув ноги в шёлковых домашних туфельках, и читала прессу. Пол под сиденьем был устлан разворошёнными газетами, Ива просматривала одну за одной из толстой стопки, что лежала на придвинутом столике, небрежно складывала и бросала на пол. Алоиз деликатно постучал в дверь, проскользнул по газетному ковру, подобрал часть и, держа подмышкой неаккуратную пачку, сообщил госпоже тихо, словно боясь отвлечь её от чтения неуместно громким голосом:

– С посыльным записка от баронессы фон Мюкк. Прочесть?

– От баронессы? Как интересно! – Ива отбросила очередную газету так, что она, взмахнув страницами как крыльями, вспорхнула и разлетелась на листы. Алоиз попытался поймать их,

но не смог, а только неловко сбил несколько страниц и остался на месте, выжидающе глядя на Иву.

– Ну, и где же записка? – Алоиз спохватился, перехватил газеты под другую руку и протянул изящный конверт. Ива быстро просмотрела письмо в несколько строк и задумчиво подняла глаза.

– Просит о встрече. Сегодня же и строго конфиденциально. Посыльный ещё тут? Поддай прибор, я напишу, пусть приходит. Кто бы мог подумать. Алоиз, приготовь тут всё наилучшим образом.

– С драпировками и цветами?

– Да, пожалуй.

– Подать гороскоп?

– О, да, Алоиз!

– Извольте с шаром? – уточнил секретарь, сияя.

– Можно без шара, но свечей побольше.

– Слушаюсь, – почти радостно откликнулся Алоиз, в его глазах неожиданно заплескали восторженные искры. Он спустился по лестнице, непривычным голосом что-то фальшиво мурлыча себе под нос, по дороге взглянул в зеркало, поправил несколько волосков, портивших пробор, и, сияя, вручил посыльному ответ от мисс Ивы. В секретарской он, продолжая напевать, с воодушевлением принялся за уборку на своём столе. Он был счастлив теперь. События последнего времени повергали его в отчаяние: госпожа не устраивала сеансов, не принимала клиентов, сослала его в отпуск и вообще – ему казалось, что госпожа совершенно покончила со своим магическим делом и более не нуждалась в его, Алоиза, услугах. Сколько прекрасных гороскопов он составил за последние недели! Какие дивные карточные колоды привёз из Сибиу⁴! Он уж испугался, что всё это было напрасно, однако... Нет-нет, всё возвращается на круги своя, сегодня мисс Ива будет принимать баронессу фон Мюкк, и госпоже нужны гороскоп и свечи; и карты он тоже положит на стол, они непременно понравятся мисс Иве, старинные гадалочные карты с миниатюрами из древних манускриптов, он сам выбрал их...

---

⁴ Сибиу – один из важнейших культурных и религиозных центров Румынии, находится в Трансильвании.

Глава 5. Сгоревший архив

К вечеру ателье Ивы было убрано самым подходящим образом. Комната полыхала золотым светом: две дюжины свечей отражались в золотых фонах ширм, делая воздух густым и сияющим, таким, что им боязно было дышать. Тяжёлые тёмно-зелёные драпировки закрывали эркер и большое зеркало над камином, а сама хозяйка ателье, в чёрном с золотом платье, задумчиво раскладывала перед собой на столике новую колоду и мечтательно улыбалась, поглаживая тонкими пальцами картинку из старинных рукописей.

Около шести часов Алоиз доложил о прибытии клиентки, и Мелисанда вплыла в ателье. «Ах!» – только и сказала она, обводя помещение восторженным взглядом и прижимая руки к груди театральным жестом.

– Прошу вас, мадам, – пригласила Ива, приятно улыбаясь.

– Ах, мисс Ива, – заговорила Мелисанда взволнованным шёпотом, усаживаясь на козетку, – я была совершенно поражена... Граф Бёрлингтон ничего не говорил мне прежде, а потом, когда я обратилась к нему с моей маленькой проблемой, был так любезен, что всё о вас рассказал. Это потрясает!

– Да, граф Бёрлингтон бесконечно любезен, – сдержанно улыбнулась Ива. – Так расскажите мне о вашей маленькой проблеме, и я помогу вам её разрешить.

– Ах, это, право, такой пустяк! Я думаю, что это вам совершенно ничего не стоит, – Мелисанда лепетала прекрасно слышным даже с последних рядов театра шёпотом, глядя на прорицательницу со смесью любопытства и восторга.

– Ну, так в чём же ваше дело? – немного настойчивее повторила Ива, отрываясь от колоды и выжидательно глядя на посетительницу. Мелисанда полезла в маленькую сумочку, торопясь, достала свёрнутый трубочкой маленький листочек, и стала взволнованно комкать его в руках, объясняя:

– Понимаете ли, я очень несчастна. Вы, наверное, слышали, что мой брак с бароном фон Мюкк стал для меня настоящим кошмаром. Он терзает меня своей ревностью...

– Да-да, мадам, это я всё знаю, – едва подавляя зевок смертельной скуки, перебила мисс Ива.

– Ну, да, конечно, – замялась Мелисанда. – Но, представьте себе... нашёлся человек... один человек, который может вернуть счастье моей жизни. Это такое чудо, мисс Ива, как глоток чистого воздуха после ужасной темницы моего брака... О, разумеется, нам обоим придется таить свои чувства, из-за Фердинанда. Муж угрожает мне. Он сказал, что убьёт меня, если узнает о сопернике! Вы можете представить себе тот ужас, в котором я живу? Я едва не потеряла голос. Я скажу только вам, мисс Ива: сегодня на репетиции я не смогла спеть финальное глиссандо. Это катастрофа. Так вот, мой друг – ах, позвольте мне называть его «другом» – прислал мне записку. Но, вероятно опасаясь безумств моего супруга, он написал её неким каббалистическим кодом, которого я... я не поняла. Ужасно досадно. Но записка наверняка важна... Я так надеюсь, что вы сможете сообщить мне, что там написано!

– Моя дорогая, с момента изобретения письменности было изобретено столько тайных письмён, столько криптографических уловок с разнообразными ключами... Вы уверены, что это каббалистическая гематрия? – снисходительно поинтересовалась Ива.

– О... ну... – Мелисанда, слегка оглушенная словами, о смысле которых только смутно догадывалась, – там действительно есть цифры...

– Ну, так покажите мне эту вашу записку.

Мелисанда оторвала руки от груди, немного разгладила бумажку и протянула ясновидице. Ива внимательно посмотрела на записку и нахмурилась.

– Ну, что там? – начала беспокойно ёрзать Мелисанда, облизывая губы от нетерпения.

– Это очень, очень древний код. Посидите теперь тихо, я должна свериться с картами.

Ива начала медленно перекладывать карты на столике изящными, но точными, без манерности, движениями маленьких, тонких рук; Мелисанда, чуть приоткрыв рот, наблюдала за её пассажами. Прорицательница то хмурилась, то приподнимала тонкую, ровной дугой, бровь, то лукаво улыбалась. Наконец, она накрыла стопку карт узкой ладонью и посмотрела на Мелисанду строго.

– Ваш «друг», как вы изволили выразиться, – в большой опасности. Если вы не желаете ему зла, уберегите его от встреч со своим супругом.

– Я так и знала... – прошептала Мелисанда с неуместным торжеством.

– Ваши отношения могут быть очень... перспективными, но пока вам следует соблюдать предельную осторожность. Что же до записки – это древнейший шумерский код, – Ива бросила быстрый взгляд на Мелисанду, но та, не имея о шумерах ни малейшего представления, только с восторгом округлила глаза, – и сейчас я не могу расшифровать его. Необходимо вступить в контакт с древними духами, а вам не следует быть тому свидетельницей. Оставьте записку. Если вы зайдёте ко мне завтра, то я скажу, что в ней.

– Да, конечно, конечно, – счастливо залепетала Мелисанда, глядя на Иву преданно, – я приду. Когда скажете! А вы... вы не сможете написать ему в ответ маленькую, совершенно невинную записочку, ну – вот так же, с цифрами? От моего имени, разумеется. Если ему грозит опасность, я должна быть осмотрительна!

– Разумеется. Не предлагаю вам чаю, дорогая, – мне нужно подготовиться к разговору с шумерскими духами, – сообщила Ива, ясно давая понять, что аудиенция закончена.

– О, разумеется! И, конечно, я полностью доверяю вам... Такое конфиденциальное дело... Вы понимаете? – шёпотом переспросила примадонна, поднимаясь с козетки и на цыпочках крадась к выходу, чтобы не помешать сосредоточению духовидицы.

– Несомненно, – уже нездешним, глухим голосом ответила мисс Ива, – а десять фунтов можете оставить моему секретарю внизу.

Мелисанда благодарно закивала и тихо вышла, охваченная радостным волнением.

Как только дверь за ней затворилась, Ива моментально сбросила потусторонний, отрешённый вид и принялась внимательно изучать листочек, стремившийся упруго свернуться вновь в тугую свиток. Когда, по её расчётам, Мелисанда должна была уже покинуть дом, она громко крикнула Алоиза.

– Алоиз, который час?

– Половина седьмого, госпожа! Обед будет подан через полчаса, госпожа!

– Прекрасно! К обеду будет инспектор Суон, так что срочно разыщи его и скажи, чтобы ехал сюда незамедлительно. И – да, Алоиз, колода прекрасна!

Пока шли приготовления, Ива удалилась в гостиную, прихватив записку. Наверняка Мелисанда ляпнула первое, пришедшее в голову – каббала и каббалистический код. Что-то в этом несомненно было. Ива попробовала посчитать известными ей способами, но цифры на листочке не складывались ни во что вразумительное. Нет-нет, считать тут было бесполезно, надо было знать ключ, и он лежал где-то на поверхности, это было очень просто, но не имело никакого отношения к мистике.

* * *

Найти инспектора оказалось не таким простым делом. Алоиз позвонил в Управление, там долго не соединяли с Суоном, затем связь и вовсе прервалась. Недавно телефонизированный Скотланд-Ярд ещё не вполне справлялся с новейшими достижениями техники, но через несколько минут Суон сам дозволился до секретарского кабинета на Глостер-плейс. Он был заметно встревожен неурочным звонком от Ивы, и Алоиз постарался успокоить его в своей

обычной ласковой манере, и, когда Суон действительно успокоился, передал от мисс Ивы просьбу приехать незамедлительно. «У госпожи была Мелисанда фон Мюкк» – веско добавил Алоиз и через полчаса инспектор уже входил в дом мисс Ивы.

– Что ей тут понадобилось? – недоумённо спросил Суон, когда Алоиз подал аперитив в ателье и вышел, предусмотрительно плотно прикрыв дверь.

Ива рассказала об утренней записке примадонны и об её эффектном явлении днём, не пропустив ни одной детали, и даже слегка изобразив голос Мелисанды с такой точностью, что Суон с удивлением вскинул брови. Но ещё больше он был удивлён, когда Ива протянула ему плотно скрученный листочек.

– Что это? – спросил Суон, принимая из рук Ивы крошечную записку и глядя на цифры.

– Мадам фон Мюкк теперь убеждена, что это шумерская тайнопись, но я должна сказать вам, дорогой инспектор, что это не имеет к древним и оккультным практикам ни малейшего отношения. Полагаю, что даже наш учёный друг, мистер Флитгейл, не нашёл бы в этой записке ничего похожего на древние шифры. Если это и шифр, то современный. В современности, дорогой инспектор, вы понимаете куда лучше него. Ну, не кажется ли вам это странным? – Ива смотрела на Суона так, словно была абсолютно убеждена, что Суону это покажется каким угодно, только не странным.

– И вот это было в браслете мадам Мелисанды? – недоверчиво, тем не менее, спросил Суон.

– Именно, инспектор.

– И как она объясняет её там присутствие?

– Мадам уверена, что это романтическая выходка русского князя. И что в этой записке зашифровано пылкое, но сугубо тайное признание. Вы в это верите? Я – нет.

– Мне тоже с трудом верится, – пробормотал Суон, разглядывая записку так и эдак.

– Я думаю, в полиции есть люди, которые смогли бы прочитать это послание?

– Пожалуй, я найду такого человека, – уклончиво ответил Суон.

– Что же, тогда перепишите этот код, поскольку завтра мне нужно будет отдать Мелисанде оригинал с убедительным его истолкованием. Только никак не могу придумать – что бы ей сообщить, – Ива подняла глаза к потолку, а потом перестала притворяться и заговорила собранным, деловым тоном. – Инспектор, это всё ужасно подозрительно, но думаете ли вы, что это имеет какое-то отношение убийству Фицгилберта?

– Может, и никакого. Но всё равно, я вам признателен.

– Прекрасно, тогда прошу вас в столовую. Будем обедать, а заодно поговорим – что у нас есть более вразумительного, чем записка с цифрами.

За небольшой гостиной, в которой Суону однажды пришлось уже побывать при самых драматических обстоятельствах, располагалась маленькая столовая, обставленная в охотничьем стиле. Суон отметил, что она была совершенно не дамская: посреди неё стоял стол, за которым могли трапезничать от силы четверо, у стены прочно обосновался тёмного дерева резной буфет. Несколько таких же основательных, без вычурности, стульев стояли у стола и у единственного окна, выходившего в тихий двор; над камином висели рога, пара немецких гравюр и пара скрещенных рапир, зачехлённых в старинную кожу.

Суон, впервые бывший в этой комнате, с удивлением осмотрелся, но тут явился Алоиз, который, как оказалось, совмещал секретарские обязанности с обязанностями лакея, и вынес блюда. Когда он подал горячее, Ива непустила его, а предложила составить им компанию.

– Я думаю, Алоиз должен быть в курсе дела, – сказала Ива, и секретарь засиял скромной гордостью.

Он поставил на стол блюдо прекрасных перепелов, художественно оформленных засахаренными вишнями и картофелем, и занял место за столом.

– Честно говоря, – начал Суон, кладя рядом со столовыми приборами свою верную записную книжку, – в этой истории практически не за что зацепиться. Сама картина убийства до сих пор не вполне ясна. Давайте по порядку. За столом сидело восемь человек. Если пойти по часовой стрелке, то в начале сеанса по левую руку от князя Урусова сидела Мелисанда фон Мюкк, затем – граф Бёрлингтон, баронесса Фицгилберт; затем вы, Ива, ведь, насколько я понял, вы сидели прямо напротив князя Урусова? – Ива кивнула. – За вами сидел полковник Брюстер, графиня Бёрлингтон, и затем, по правую руку от медиума – сам Фицгилберт. Потом графиня ушла, и мадам фон Мюкк заняла её место. Убить барона ударом в спину, сидя в кресле рядом, невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.